

И.А. Коршунов. 1950-е годы

АВТОБИОГРАФИЯ

И.А. Коршунов

Я никогда не собирался и не думал писать свою автобиографию. Было время, когда составление автобиографии являлось обязательным во многих случаях жизни — при поступлении на работу, при получении диплома, при участии в конкурсе на замещение вакансии и т.п. Вопросы, на которые нужно было ответить, были сгруппированы на специальном бланке. Надо было подробно указать, где и когда жил, где и когда работал; перечислить всех родственников, особенно указать, не были ли они за границей или на оккупированной немцами территории, и т.д.

Мысль описать свою жизнь появилась у меня в часы бессонницы, когда время идет медленно, а мысли как-то его заполняют. Вспоминая прошлое, отвлекаешься от реальности и ищешь в этих воспоминаниях забвения.

Чем дальше уходят события, образы людей, принимавших в них участие, теряют определенность, как бы растворяясь во времени. В памяти возникает не конкретный образ, а его имя или копии с фотографий, сохранившихся в настоящее время.

Себя я помню с того времени, когда я жил в Канавине. Маленький домик напротив или рядом с церковью, теперь здесь, как мне кажется, цирк. Своих родителей здесь не помню, но сохранился образ няни — старенькой старушки, воплощение милосердия и заботы. Помнится, она меня крести-

ла и приговаривала: «Храни тебя Бог и убереги от дьявола, некрещеного». Слова старой няни «некрещеный» много раз приходили мне на память, не вызывая каких-либо эмоций. Даже в известной мере я ощущал некоторое превосходство перед «крещеными». И только потом я понял, какими трагическими последствиями для меня это могло обернуться.

Моя мама, Владимирская Софья Федоровна, из семьи священнослужителя Арзамасского протоиерея отца Федора, окончив гимназию, вышла замуж за инженера, важного чиновника. На сохранившейся фотографии он красивый, в мундире, такой блестящий господин. У них был сын Григорий.

И вдруг! Поворот судьбы — разрыв с мужем. Чтобы понять это, надо определить, в какой среде она воспитывалась.

Волга, лодка и арбузы. Слева направо: Засорин, И. Коршунов, Виноградов. 1925 год

Волжские «пираты» скорбят о «погибшем» товарище. 1926 год

Отец — протоиерей Арзамасский, для своего времени человек прогрессивный, его общественная деятельность хорошо известна в Арзамасе, а сейчас вообще часто вспоминается. Его дети — сын Михаил, дочери Елена и Софья — были участниками революционного движения, противники старых традиций и устоев, они признавали свободу личности и право выбора своего пути в жизни. Михаил Владимирский был одним из соратников В.И. Ленина, наркомом здравоохранения впоследствии.

А Софья Федоровна полюбила молодого учителя Коршунова Алексея Михайловича, оставила сына, так как муж не дал ей развод, и жила с маленьким Ильей в деревне отдельно от Алексея, потому что они были учителя и не могли жить не в браке. Я тогда считался сыном ее мужа и только после революции был усыновлен своим отцом.

Дочь Елены Федоровны была замужем за сыном Рютина, тоже известным революционным деятелем — сподвижником Ленина. Его, как и всех других, «отец народов» отправил в могилу. Женщинам оставалось только молчать. Елена Федоровна приглашала меня в Москву, передав приглашение через Ваневу, жившую с двумя сыновьями в Горьком. Когда мы встретились, она сказала мне, чтоб я не писал ей, а если приезжал, то без звонков, боясь навлечь беду и на меня. Е.Ф. хотела свести меня с М.Ф., но он, согласившись сначала, потом отказался от встречи. Е.Ф. говорила,

что он очень болен, нервничает, живет затворником в Кремле. Судьба этих людей, ранних сподвижников Ленина, участвовавших в революции, трагична. Моя двоюродная сестра Наташа Шишкова, окончившая МГУ, много лет не могла найти работу по специальности, работала сестрой-хозяйкой в госпитале, вместе с которым эвакуировалась во время войны на Урал. Там она познакомилась с раненым, сменила фамилию, вернулась с мужем в Москву. Муж — художник, рисует официальные портреты, например я видел портрет Хрущева. И вдруг муж-художник приводит в квартиру новую семью. Чтобы остаться в квартире, ему в виде компенсации отдают машину, и Наташа остается с дочерью. В этой семье была и еще одна трагедия. После ареста мужа Наташи их сын Артем, школьник, бежит из дома, отрекаясь от «врага народа». Многие годы он считался погибшим, и вдруг пришло письмо из Одессы, что он жив, работает на шахте, имеет семью. Страшно подумать, что пережила и перенесла Наташа. Ее дочь Таня приезжала к нам году в 50-м и жила у нас на даче. Знаю, что последнее время она работала в строительном издательстве. К сожалению, следы их потеряны, я думаю, что это все отголоски тех старых трагедий, прошлое имеет длинные тени.

Теперь память приводит меня к жизни в Сергаче. Мы живем в здании школы, большом одноэтажном здании на кирпичном основании. Здесь 4 класса, учительская, большой коридор, а жилой части — наша квартира, которая состоит из столовой-кабинета, спальни, моей

Комсомольцы нижегородского Дворца советов. 1925 год

комнаты. Рядом комната, где живет еще одна учительница, комната дворника-сапожника и кухарки. Большая кухня, коридор, сени с большим числом закоулков и сарайчиков для разных хозяйственных вещей, где было весело прятаться и играть. Школьный участок со всеми зданиями, сараями, баней, огородом и садом обнесен высоким забором. На участок ведут большие ворота с двумя калитками. В саду росли яблони, вишни и какие-то кустарники. Были грядки с морковью и другими овощами, хотя я не видел, чтобы кто-то занимался этими грядками. Напротив располагались аптека и маленькое здание начальной школы, которую я посещал.

В это тревожное время отец был директором школы. Но в шкафу хранилась винтовка с запасом патронов к ней, и, уходя куда-то, не в школу, отец часто брал ее с собой. Иногда сквозь сон я слышал стук в дверь, приглушенные голоса, успокаивающие слова папы,

обращенные к жене, и он уходит в ночь — кругом ходили слухи о белобандитах.

Однако в памяти сохранились и безмятежно-радостные воспоминания. За столом, освещенным настольной лампой, мама, перед ней тетради, книжки. Она что-то пишет. Я сижу на каком-то табурете рядом, ее платок закрывает меня, рука шевелит волосы. Отец — напротив, перед ним книги, он что-то читает, пишет, поднимает руки за голову, садится рядом, что-то рассказывает, а я засыпаю. Утром кухарка решительно и бесповоротно будит меня, остатки сна остаются в умывальнике. Отца и мамы нет, они на работе в школе или еще где-то. Вечером отец и мать занимаются со мной, а я отвечаю приготовленные днем уроки. Друзей нет, я все время один внутри большой школьной ограды, может, поэтому я стал таким замкнутым во взрослые годы. Да и откуда взяться товарищам — деревенский порядок далеко, а сюда ребята только при-

ходят и уходят. Остаются только взрослые — кухарка, сапожник и родители. Я выполняю их поручения по дому, саду и бане.

И вдруг это все кончается — мы уезжаем из Сергача. Я помню паровозные гудки, вагон, вещи на полу. Потом Ромодановский вокзал, огромные сани, лошадь, везущую их, а на них я и мама, прижавшиеся друг к другу. Сани куда-то едут мимо домов, людей, церкви. Мы едем в гору, возчик хлопает кнутом: «Ну, милая!». Мы стали жить в большой комнате, расположенной в доме в Нижегородском кремле. Здесь когда-то помещалась канцелярия губернатора, а потом сделали жилые квартиры. Комната отапливалась огромной печкой, хорошо нагревавшей, если ее топили, но чаще в комнате было холодно. Около печки стоял стол с керосинкой, где готовили, рядом — другой, на нем обедали, писали, читали. Спали на полу. Родители уходили рано, приходили поздно, а я был предоставлен сам себе. Плохо

Жить можно... 1925 год

По радиоволнам... И. Коршунов. 1927 год

было с пищей, в которой нуждался мой растущий организм, привыкший в Сергаче к более-менее сытой жизни. Я помню себя сидящим на подоконнике и созерцающим несколько кусочков сухого хлеба и холодный суп из какой-то крупы.

Как потом рассказывал отец, кто-то из сослуживцев посоветовал ему отправить меня в пансионат на Моховые Горы. Там тепло, хорошо кормят, есть воспитатели, там можно учиться. Но там оказался еще больший голод и холод и, кроме того, была гнетущая атмосфера равнодушия. Занятий не было, и мы слонялись по помещениям без дела и присмотра. Все это кончилось моим побегом и возвращением домой. Когда поздно вечером, преодолев большое расстояние от пансионата до дома во мраке зимнего вечера по дороге через Волгу, я появился дома, то был встречен с восторгом! Мы отпраздновали мой побег и поклялись никогда, ни при каких обстоятельствах не

разлучаться более и всегда быть вместе. Теперь я вел уединенный образ жизни, в школу не ходил, а предпочитал сидеть дома в ожидании родителей. Однажды мама пришла рано и сказала, что пойдем записываться в пионерский отряд. Отряд помещался рядом с кино-театром «Палас». Мы вошли в это помещение, и я увидел массивную дверь с надписью «Пионерский отряд имени Л.Д. Троцкого». Я был тепло принят присутствовавшими там ребятами. Постепенно, с большим трудом я входил в их компанию. Они были горожанами, школьниками. Они имели опыт общения друг с другом и были, кроме того, существенно старше. Однако мне выбирать не приходилось, и я стал посещать этот отряд. Что мы делали на так называемых сборах, сказать трудно, видимо, это было обычное ребячье времяпрепровождение. Помню только, что мы часто ходили по городу с песнями, участвовали в сборах «по тревоге», собираясь по цепочке.

Наконец мы расстались с комнатой в кремле и переехали в дом по Большой Печерской. Это был дом какого-то заводчика, где жили четыре семьи — мы, Терентьев с семьей, это был директор школы, учительница Логинова и остатки семьи заводчика в мезонине. Наша квартира состояла из двух больших, в три окна, комнат и прихожей с огромным камином, с выходом на кухню и на террасу, смотревшую на улицу. Кухня сообщалась с коридором, где был туалет и чулан. В доме был телефон, находившийся в квартире Терентьева.

В соседнем доме жил знакомый нам доктор, которая часто бывала у нас. Потом она заведовала физиотерапевтическим отделением в спецбольнице. Много лет спустя, когда я попал к ней на прием, она, ознакомившись с моей лечебной карточкой, широко открыв глаза, спросила: «Илья, ты что, вне партии?» Не помню, что я пролепетал в ответ...

В то время я относился к категории служащих, был преподавателем в университете, мой отец тоже относился к этому разряду. А эта категория была у нас самой презренной — гнилая интеллигенция — еще со времен революции. Зоя Темникова, дочь служащего, не могла поступить в институт, а потом, пройдя школу рабочих и уже учась в институте на последнем курсе, была лишена стипендии, т.к. ее отец был бухгалтер.

Жизнь в доме на Б. Печерской чем-то напоминала сергачскую. Мама завела козу Машку белого цвета, жила она под террасой. Я любил сидеть около этой козы и кормить ее из рук. Утром я выводил ее к пастуху, который, стоя против нашей террасы, собирал козье стадо из соседних домов и пас их на откосе. Доили козу мама или кухарка, в холодное время коза жила в сарайчике, а молоко, конечно, предназначалось мне. Часто мы всей семьей ходили на Откос или в гости к знакомым отца. Но все-таки часто днем я был один дома.

И вдруг этому счастливому времени пришел конец — умерла моя мама. Она легла в больницу на несколько дней. Мы с отцом бывали у нее каждый день и видели ее, ничего не предвещало ужасного конца. Нам сказали, что завтра ее выпишут, она здорова. Утром мы пришли за ней. Вышел доктор, увел отца, а меня оставили в коридоре. Через некоторое время вышел папа и сказал, что мама умерла, какой-то тромб оборвал ее жизнь. Долгое время я находился в состоянии депрессии и отрешенности от всего. Я видел, что отец тяжело переживает утрату любимого человека. Потом, уже после его смерти, я узнал, как нежно и горячо они любили друг друга, я прочитал письма, которые писала мама, когда они были разлучены, я прочитал письмо, написанное как живому человеку, Сонечке, которая умерла. И я понял, что, занимаясь со мной, утешая меня, он старался справиться со своим страшным горем.

Он был взрослым, хорошо понимавшим, что в жизни многое от нас совершенно не зависит. Чтобы как-то поднять мое самочувствие, он водил меня к знакомым, в семью Ванеевой, где я проводил время с ее сыновьями, которые были старше меня. Стараясь, чтобы я не оставался один на один со своими мыслями, отец определил меня в школу, до этого я учился дома, хотя мне было уже 11 лет. Отец всегда интересовался моими успехами, заставлял читать и рассказывать прочитанное. Несмотря на то, что я не посещал школу, я хорошо читал и писал, был знаком с основами арифметики. Но эту школу я не любил. Она была расположена далеко от дома, в конце Полевой улицы, рядом со Спасской церковью, потом в ней был Дом пионеров. В школе я был чужаком, там были свои, ковалихинские ребята, а я пришелец из другого района, их было много, а я один, и мне часто приходилось туго. Я не проходил 1 и 2-го классов, но меня взяли сразу в 3-й, т.к. директор школы был знакомым нашей семьи и знал мои возможности. Директор часто посещал наш класс, проходил по рядам, смотрел в тетради, а, уходя из класса, проходил около меня и очень часто проводил рукой по моим волосам — свет не без добрых людей. Зная мое нежелание ходить в эту школу по причинам, известным отцу от меня, он следил, чтобы я не пропускал занятия, даже привлек к этому соседку, которая часто прогуливалась около дома как раз тогда, когда мне надо было идти в школу. Конечно, я легко мог преодолеть этот контроль, мне хорошо были известны все проходные дворы по дороге, проемы в заборах, но это было нарушением нашей договоренности с отцом не пропускать школу. Я твердо усвоил: учиться — это моя первая обязанность, и притом не с пятого на десятое, а как способен и даже больше.

Жизнь после смерти мамы не отличалась разнообразием. Отец, занятый большой работой, «метался» между служебными и пар-

тийными обязанностями, мной и учебой в институте, куда он поступил на 1-й курс мехфака, надеясь получить высшее, пусть хотя бы неоконченное, образование. Когда он приходил с работы и брался за книги и чертежи, я обычно садился напротив и смотрел, что он делает. Заметив, что он больше спит, чем читает, я уговаривал его лечь в постель, хотя бы на время, обещая разбудить пораньше. Обычно он соглашался и засыпал, не переодеваясь. Наконец он признал, что таким путем ему не получить образования. Вскоре выход нашелся. Открылась совпартшкола с двухгодичным обучением, которую отец быстро и легко окончил, получив диплом о высшем партийном образовании. Это дало ему возможность преподавать, а потом и стать заведующим (директором) этой школой.

Конечно, я часто вспоминал маму. Часто, сидя за столом и смотря поверх моих книг и тетрадей, я думал — вот она входит в комнату. Мне казалось, что открывается дверь, я слышал шорох шагов — оборачивался — никого нет... Ее образ как-то потух в моей памяти, сохранился профиль в гробу и что-то белое около лица. Сохранилось ощущение ее руки у меня на голове. А еще коза Машка, которая жила у нас под террасой.

Но вот окончена начальная школа, и я перехожу в школу 2-й ступени. Это школа им. 1 Мая около Дворца пионеров (Дом творчества юных). Она близко от дома, и там много знакомых ребят. Здесь за толстыми стенами большие светлые комнаты-классы. Есть спортзал, где мы проводили перемены, бегали, носились до изнеможения. Не помню, чтобы у меня были какие-либо затруднения с учебой, из четверти в четверть, из класса в класс я приближался к 9-му выпускному классу. У нас был дружный коллектив, не было распрей и раздоров. Моими ближайшими друзьями были Антонец, Вяхирев (младший), Мелентьев, Горчаков, Елкин и другие.

Первый ряд слева направо: 1-я — О.Е. Святухина (Темникова), 2-й — В.В. Святухин. 1928 год

Нас влекли Волга, вода, песок, солнце. У Антонца была лодка, двухвесельная тяжелая и неповоротливая «великовражка». Она позволяла нам не только переправляться на «ту сторону», но и путешествовать вниз и вверх по реке, используя парус. Хлеб, картошка, иногда каша, сваренная заранее, и, конечно, арбуз. Мы изображали из себя пиратов, терпящих бедствие, беглецов и т.п. В те годы подростки были какими-то иными. У нас в классе никто не курил даже тайно, тем более явно. Нам чуждо было бессмысленное баловство и хулиганство. Хотя среди нас были дети совершенно разных родителей по своему социальному положению. Елкин — сын врача, Антонца — сын рабочего, Вяхирев — сын предпринимателя-капиталиста, бывшего конечно, Горчаков из семьи инженера. Наше воспитание формировалось в школе и было примерно одинаково.

Мы часто собирались у Вяхирева в его комнате в доме, который был когда-то на месте входа в водный институт. То, что Вяхиревы происходили из бывших, поставило их в особое положение.

В доме Вяхирева была большая библиотека из книг Дюма, Жюль Верна, Майн Рида и других. Сидя за столом, освещенным тускло горевшей лампой, мы читали по очереди и уходили в мир приключений и мечтаний. Иногда мы посещали собрания поэтов, которые проходили в здании теперешнего пединститута. Нас туда водил Рюриков и старший брат Антонца. Рюриков сам ничего не сочинял, но играл какую-то роль в руковод-

стве так называемых «пролетарских поэтов», как он сам говорил, он был одним из советников в высших сферах власти по литературе. Антонца тоже читал нам свои стихи, но он был, как он говорил, в другом, не в официально признанном, лагере поэтов, поэтом и был на подозрении и выслан из Нижнего. Эти собрания поэтов нам не нравились — большой стол в центре зала, на котором смельчак читал свои вирши, шум, гвалт и истошные крики: «Браво! Долгой!»

Приближалось окончание школы, и директор просил передать отцу, что необходимо представить мое свидетельство о рождении. Как-то, вернувшись домой, я увидел на столе письмо из Харькова. Письмо было незапечатанным, отправитель — Харьковский городской суд. В письме было решение суда на просьбу А.М. Коршунова об усыновлении меня и согласии Кашеева (первого мужа матери).

Кроме того, в письме было вложено свидетельство о моем рождении 23 марта 1911 года. Значительно позднее я понял, что был незаконнорожденным ребенком. В то время брак был священным и нерасторжимым. Незаконнорожденному можно было присвоить любое имя, фамилию, отдать в приют, но если бы что-то случилось с отцом, то я или остался бы без документов, не зная, как разобраться в этом деле, или считался бы сыном Кашеева, с которым мать не была разведена. А с отцом они были зарегистрированы в ЗАГСе, наверное, но до моих документов у них не дошли руки. На эту тему я с

И.А. Коршунов. 1929 год

отцом никогда не разговаривал, оставив его в неведении о моей осведомленности. Слова старой няни «некрещеный», видимо, и означали это мое неустроенное состояние.

Обычно летом мы переезжали жить из города поближе к природе — на дачу. Эта дача располагалась на Мызе, которая в то время была зеленым оазисом около города, и здесь не было какой-либо промышленности. Рядом Ока и хороший пляж. Дачу снимали на две семьи. Мне приходилось жить и в городе, и на этой даче. Здесь была пища, а в городе школа, выпускной класс, товарищи. В то время город кончался за площадью Лядова, дальше шло поле и грунтовая дорога 6–7 км, обсаженная вековыми березами. Это, конечно, создавало определенные трудности для существования. В начале августа я заболел паратифом. Болеть пришлось на даче, иначе грозила инфекционная больница. Мыза, конец лета, дачники покидают свои временные жилища и переезжают на зимние квартиры. Мне пришлось коротать время на этой даче в полном одиночестве. Особенно неприятно было ночью: крошечная тьма, шум листвы и ночные шорохи. Хозяева дома жили неподалеку, но, если у меня не было света, не заходили. Конечно, меня навещали, приезжал отец, привозили еду, лекарства, но приятно было мало.

Когда я поправился и получил возможность выходить, выяснилось, что экзамены в вуз закончены, а кроме того, мне не было еще 18 лет. Отец, используя свой авторитет и какие-то связи, получил разрешение на сдачу экзаменов дополнительно. Экзамены я сдал и был зачислен на первый курс химфака.

1 сентября 1928 года — я студент НГУ. Большая аудитория, называемая большой химической, переполнена, так как был большой прием — по конкурсу и вне конкурса, так называемые «парттысячники». Страна вставала на индустриальный путь развития, нужны были рабоче-крестьянские инженеры, специалисты. Старых, как известно, ликвидировали различными путями, кто был обвинен во вредительстве, кто уехал за границу, да и вообще они были не нужны. Дорогу «к светлому будущему» должны были прокладывать другие люди. Лозунг «Создадим свою рабоче-крестьянскую интеллигенцию» можно было видеть на каждом шагу. Кто-то решил, что проще всего этого достигнуть, если послать в вузы партийных работников, это люди идейно закаленные, они не подведут. Поэтому на курсе оказалось много людей взрослых, с большим стажем работы, многие почему-то с бородами. Вероятно, большинство из них имели слабую подготовку, надежды на легкое получение знаний у них не оправдались. Невозможно учиться в вузе, не имея хорошего среднего образования, кроме того, многие имели семьи, которые надо было содержать, поэтому число студентов уменьшалось от курса к курсу, а к концу из этого контингента пришли единицы. Некоторые из таких студентов вместо занятий, которые были им трудны, стали создавать парт- и комячейки, заполнили профкомы и другие «комы». Они постоянно мелькали в деканате, дирекции, что-то организовывали, а на занятиях и лекциях появлялись редко. Конечно, я, не испытывая материальных затруднений, занимался со старанием и увлечением. Правда, стипендию я не получал, так как не имел рабочего стажа и был недостойного сословия. Таких на курсе были единицы, все остальные имели соответствующие справки или подходящее рабочее происхождение. Мой друг по курсу Сережа Сорокин, узнав от меня уже после выпуска, что я не получал стипендии, был очень удивлен: «Как же ты, сказал бы мне об этом, я бы обеспечил тебя любой справкой с солидным рабочим стажем». Одет я был очень скромно, купить что-то из одежды было крайне сложно, все шло или через распределители, или было очень дорого. Однажды отец получил два ордера на пальто и костюм. Пальто подошло отцу, а костюм достался мне. Он был английского производства, из хорошего материала, правда, яркой расцветки — на коричневом фоне золотистые полосы. Костюм долго служил мне, а потом еще использовался в моей семье уже в перешитом виде.

В 1929 или 1930 году отец с женой и дочерью переехали в Москву, так как отца зачислили в Институт красной профессуры и дали там комнату. Я остался один. В институте мне дали 30-рублевую стипендию, и я полностью перешел на самостоятельное проживание. Для пополнения своего бюджета я стал работать во время летних каникул и во время производственной практики.

Однажды в квартиру явился работник райсовета с постановлением, в котором говорилось, что 2 комнаты для одного жильца — это много, и мне предлагалось выбрать одну из них. Здесь появился «старый большевик» некто Чегнев и взялся «защищать мои интересы», это кончилось тем, что он вообще выписал меня из этой комнаты как не живущего здесь во время моей практики на заводе.

По мере обучения в институте было заметно падение уровня обучения. Старая профессура уходила, часть ее попала за решетку как «враги народа». Зато появилось много новых из рабочей среды, так называемых «выдвиженцев» — Полушкин, Кочаровский, Фигуровский, Ионин и другие. У них не было «школы», часть из них были весьма посредственными преподавателями, читая часто лекции, которые им самим были недоступны для глубокого понимания, однако другие, имея природные дарования, успешно продвигались в науке, защищали диссертации. Например, Н.А. Фигуровский — участник Гражданской войны, пришел в вуз из армии. Он предложил мне принять участие в работах по отравляющим веществам. В лаборатории, которую он организовал, стояли простые установки, позволяющие производить синтезы, известные еще в начале века. Впоследствии Н.А. Фигуровский был зам. директора Института истории естествознания Академии наук СССР, им была написана книжка по истории радиоактивности в дореволюционной России.

Совсем другая атмосфера была на производстве, где я был на практике, на Чернореченском химическом заводе (ЧХЗ). Здесь шел монтаж совершенно новых установок, отсутствующих в России, по выпуску многокомпонентных продуктов, производство которых велось раньше несовершенными способами. В основе производственных процессов были теории, которые мы в вузе не изучали. Возглавлял все эти работы главный инженер ЧХЗ Лейбензон, эрудированный и талантливый специалист. Он читал нам лекции по теории физико-химических процессов применительно к конкретным примерам, рассказывал о принципах создания требуемой аппаратуры, что полностью отсутствовало в лекциях, которые читались нам в институте. И вот так я как-то незаметно из студента превратился в инженера ЧХЗ с местом жительства — Дом приезжих. На заводе все было грандиозно, замысловато — высокие давления 750–800 атмосфер, низкие температуры, жидкий воздух и азот. За время практики и работы на заводе я досконально изучил многие химические производства как на практике, так и в теории. Список этих производств выглядел бы очень большим. Здесь мне пришлось пройти разнообразную гамму должностей и познакомиться с методами работы и взглядами многих людей.

Первая моя работа совместно с двумя выпускниками нашего института заключалась в проверке возможности получения цианида натрия из соды, угля и

И.А. Коршунов. 1928 год

газообразного азота по новому методу. Нам была за срочность работы обещана премия. Однако способ оказался малоэффективным, и работы были прекращены, а нам, работавшим днем и ночью, выдали премию в виде комплекта спецодежды: куртка, брюки и ботинки. Нас всех отправили в разные цеха, а я попал в Центральную заводскую лабораторию (ЦЗЛ), где я стал заниматься исследованиями, проводимыми немецким специалистом Дорнишем по получению сульфата аммония из отходов производства фосфорной кислоты и аммиака. Здесь я убедился, что процессы, которые хорошо идут в лаборатории, совсем по-иному протекают в больших масштабах. Как только реакция началась в цехе, стал выделяться газ, который распространялся по всему помещению. Рабочим пришлось надеть противогазы, а затем все это пошло на территорию, и опыт промышленного освоения метода пришлось отменить как непригодный.

Лабораторию электрохимии, где я работал, возглавлял приехавший из Москвы специалист, в то время было модно приглашать руководителей из центра, профессор Рывлин, который руководил в общих чертах, потому что не очень разбирался в промышленной технологии и методиках. Впоследствии он вернулся в Москву на теоретическую работу.

Помощником у меня в лаборатории оказалась девушка-лаборантка. Я привлекал ее к опытам с ртутью, хромом хлора и прочей «дрянью». В институте вопросам вредности химических веществ внимания не уделялось, и вообще техника безопасности работы в

Субботник. 1930-е годы

Экзамены. 1930-е годы

«Ворошиловский стрелок» И. Коршунов. 1930-е годы

химических лабораториях не изучалась. Все, с чем приходилось иметь дело, было просто вредно для здоровья, но никому до этого не было дела. Эта девушка, Зоя Темникова, ставшая впоследствии моей женой, попала на завод для того, чтобы получить рабочий стаж и поступить в вуз. Вначале она хотела поступить в мединститут, будучи школьницей, занималась в кружке медсестер и очень хотела стать врачом. Однако в медицинский ее не приняли, так как она происходила из сословия служащих, а принимали в первую очередь детей рабочих или с рабочим стажем и детей специалистов, поэтому, несмотря на сданные экзамены, зачислена она не была. Жили три подружки Зоя, Нюра и Муся в Дзержинске, где снимали угол у семьи из пяти человек. Зоя до сих пор вспоминает, как они боролись по ночам с клопами, а приходя вечером со смены, перешагивали через спавших на полу хозяев. Из дома привозили картошку и хлеб, обедали в столовой завода, суп состоял из воды с плавающей там капустой — вот и вся еда. Особенно тяжелыми были вечерняя и ночная смены, так как приходилось идти на завод и обратно через лес два-три километра. Однако это была молодость, и все воспринималось легко! Наконец девушки поступили на первый курс филиала политехнического института в Дзержинске. Это давало возможность работать только в первую смену и получить место в общежитии студентов.

Зоя — скромная и необыкновенно обаятельная, она производила на окружающих неотразимое впечатление. Поэтому в их комнату часто приходили студенты, в том числе и я. Потом выяснилось, что Зоя — сестра Оли Святухиной, жены моего друга и товарища по институту Василия Святухина.

В годы, проведенные в Дзержинске после окончания института, я часто задумывался над проблемой жизни. Как мне жить, как устроить свою судьбу? В сущности меня никто не учил этому. Семья была только короткое время, во времена моего детства: мама, папа и я. А дальше семьи не существовало, я был предоставлен самому себе. Как решать материальные и другие проблемы семейной жизни, как избежать возможных ошибок, как воспитывать детей, чтобы они были нормальными людьми и сохранили любовь и уважение к родителям, не знал.

О том, как нужно жить и строить семью, говорил мне много мой друг и товарищ Антон Иванович Цирулев. Он говорил мне о семье, о любви, детях, что семью нельзя создавать на пустом месте, без гроша в кармане, что с милым рай в шалаше — это ерунда. Но в то время я был еще школьником, и эти золотые слова целиком не доходили до меня и со временем в значительной мере рассеялись. Человек не может жить один, без семьи, как бы он ни был талантлив и способен. Он обречен на бес-

славный и горестный конец, его ждут болезни, одиночество... Он никогда не будет счастлив. В семье, где каждый предан другому, где развито чувство заботы, нет эгоизма и неуважения друг к другу, люди всегда будут счастливы, какие бы трудности ни возникали в жизни.

Может быть, в свое время мне нужно было обратиться с просьбой к начальнику ЦЗЛ Утенкову, с которым я был знаком еще в институте, по поводу квартиры в Дзержинске или вблизи завода. Но это означало навсегда остаться в этом городе. Многие так и сделали. Другие жили в Горьком и каждый день ездили в Дзержинск к 7–8 утра, восполняя свой сон под стук колес поезда, вечером возвращаясь домой.

После закрытия вечернего отделения института в Дзержинске моя помощница по лаборатории оставила завод и переехала в Горький к своим родителям. Я сразу же почувствовал ее отсутствие. Мне хотелось видеть ее, разговаривать, делиться моими мыслями, слушать ее, смотреть на нее. Я часто приезжал в их скромную квартиру в Печерских казармах, состоявшую из двух комнат, но чаще мы встречались у Василия Святухина. После счастливо проведенного времени приходилось ехать в Дзержинск на работу на ЧХЗ.

Конечно, работа на заводе была для меня существенной, она обогащала мои знания и опыт. Но эта работа была больше организационной, инженерной — сменный инженер, технический руководитель цеха, начальник ОТК и т.д. Я видел, что мой научный багаж, так сказать фундамент, был мал. О какой науке могла идти речь, если в институте все подчинялось лозунгу «5 в 4» и «4 за 3,5». Да и что можно было взять у большинства слабо подготовленных преподавателей нового поколения.

Как уже не раз было в моей жизни, в конце 1933 года произошел крутой поворот — меня призвали отслужить положенные два года в рядах Красной армии. Обстоятель-

ства сложились так, что я смог уволиться с завода и получить полный расчет (вообще-то работники завода имели бронь от призыва). Что мог я оставить моей любимой, покидая ее — клятву в вечной верности и обещание вернуться, чтобы всегда быть вместе, да сберкнижку с небольшой суммой. Больше у меня ничего не было вообще. Вечером поезд привез меня в Ярославль. Из заводских, удравших с завода, оказались Фатинич и Гаспарьянц.

В Ярославле предстояло прослужить в качестве курсанта школы, готовящей командиров подразделений химвойск Красной армии. К концу первого года выяснилось, что те, кто проходил военную подготовку в вузе и отбыл месячный лагерный сбор, будут отпущены, т.е. демобилизованы раньше. Я не проходил лагерный сбор по каким-то причинам. Но все-таки запросил из института соответствующую справку и получил ее. В справке было указано, что сбор не проходил. Но Фатинич, неосторожно рассматривая справку, счастливо облил ее чернилами так, что в результате «не» исчезло, а срок службы сократился почти на год.

Время службы летело очень быстро, так как все дни чем-то были заняты, раздумывать и скучать не приходилось. Для того чтобы в армии служить более или менее беззаботно, нужно иметь какую-нибудь специальность или уметь что-нибудь делать — рисовать, знать музыку, знать какую-нибудь технику, уметь играть в шахматы. Быть не таким, как все. Фатинич благодаря своей способности к музыке и игре на гитаре смог организовать «оркестр» из нескольких человек, включив в его состав и меня. Мы получили возможность иногда покидать казарму и свободно уходить в город (под ответственность одного из нас) на вечера самодеятельности в вузы и предприятия города.

Но вот все это прошло и превратилось в воспоминания. Я снова в Горьком, в шинели солдата, прав-

да, с кубиком командира взвода. На голове буденовка, в руках пустой баульчик-чемодан. Конечно, пешком с Московского вокзала в Печерские казармы. Мне помнится, что когда я вошел в дом, вся семья была в сборе — Евгения Александровна, Евмений Александрович, Зоя и Оля. Я был на вершине счастья и радости. Потом начались будни, дела с пропиской и тому подобное. Милиция в прописке отказала — нет жилья и нет «основания». Поезжай в Дзержинск, откуда приехал. Выручил друг Вася Святухин, который был женат на Оле. Они отдали одну из четырех комнат квартиры, которая раньше принадлежала отцу Василия, профессору В.В. Святухину. Зоя сочеталась со мной законным браком! Я был женат и имел жилплощадь! Счастье повернулось снова в нашу сторону.

Теперь я решил поступать в университет в аспирантуру к члену-корреспонденту АН СССР Н.Ф. Капустинскому на 250 рублей стипендии. Другие аспиранты получали 300 рублей — опять «служашее сословие». Но мы с Зоей были довольны и этим, она доучивалась в институте, кончала 5-й курс. Мы были счастливы и верили в будущее.

Когда я успешно защитился досрочно в мае 1938 года, встал вопрос о трудоустройстве. Мне предложили 0,5 ставки доцента. Из-за отсутствия места на кафедре физхимии, где я был аспирантом, мне пришлось начать свою карьеру преподавателя на кафедре коллоидной химии. Затем работа продолжалась на кафедре неорганической химии, а затем уже профессором, заведующим кафедрой радиохимии и химической технологии, которая стала впоследствии кафедрой строения вещества. Таким образом, мне представилась возможность основательно проштудировать многие курсы, читаемые студентам-химикам, как общие, так и специальные. Это были лекции по неорганической химии, химии комплексных соединений, колло-

идной химии, термодинамике, электрохимии и теории активности. Я прочитал курс химической кинетики и катализа, строения вещества, полярографический анализ, хроматографию, а затем в последнее время — курс ядерной физики для химиков, курс радиохимии и многие специальные курсы: дозиметрия и защита от излучений, применение радиоуглерода в органической химии, химия ядерно-топливного цикла и другие.

Сначала наша семья жила в небольшой комнатке, которую нам отдал Василий. Было тесно, но хорошо и счастливо. Родилась дочь Марина (19 марта 1939 года). У нас была няня, которая располагалась в отгороженной части коридора. Мы привыкли жить семейной жизнью.

И вдруг мне прислали вызов в военкомат. Из-за болезни я задержался с явкой на несколько дней. Когда пришел, то получил направление на выезд в Арзамас в военную часть. Зоя оставалась с маленькой Мариной, не работала. Как жить? Так как я опоздал, то кто-то другой ушел на передовые рубежи. Опоздавших было много, ржавая машина мобилизации работала медленно. Сформированные части ушли, а новые не были созданы, так как склады были пусты, не было обмундирования и оружия. На моем примере легко было видно, что к войне в 1939—1940 годах мы совершенно не были подготовлены. Царила неразбериха, в части запаса, куда попал я, делать было нечего. Днем около костров располагались запасники-командировочные, вели мужицкие разговоры, спали на полу захлавленной казармы. Неожиданно меня направляют в уже сформированную конно-артиллерийскую противотанковую часть. Лошади против танков, смех! В этой части заболел начхимслужбы, и требовалась его замена. Прибыв в часть, приступил к выполнению обязанностей, начав с основы — езды на оседланной лошади! Конь был послушным и смирным, так что падать не пришлось. Основной вид транспорта — телеги. Начал ремонт телег, распорядился проверить, смазать, сделать пробные выезды. Стал собирать табельное имущество: средства химразведки, дегазационные костюмы и прочее по спискам. Но все это было напрасным. Из госпиталя прибыл кадровый командир, а я отправился назад. Через 2—3 недели всех все-таки распустили и отправили к местам жительства.

В начале 1940-х годов я усердно работал на химфаке, где в это время появился из Ленинграда способный на многое профессор Моисей Борисович Нейман. Он развернул активную работу по улучшению учебного процесса на кафедре физхимии, где я работал в это время, занялся созданием связей с промышленностью. Он организовал несколько научных конференций, привлекая многих ученых из других городов. Эти конференции повысили значимость научных работ на химфаке.

*Красноармеец И.А. Коршунов.
1933—1934 годы*

Война 1941 года застала меня в поезде из Ленинграда, где я был в научной командировке. То, что я не попал в число мобилизованных в первые дни войны, было чистой случайностью и обусловлено записью в моем военном билете еще в первый призыв — направлен по месту жительства. В военкомате вспомнили обо мне осенью 1942 года.

Первое время с начала войны мы жили очень плохо, запасов не было, продуктов купить было негде. Меняли вещи, я делал зажигалки, расчески, в ход пошли даже запасы бумаги, тетради и т. п. Занялся фотографией. Ходил по деревням, иногда вместе с Зоей, за натуральную плату — картошку, лук и прочее — снимал деревенских жителей. Спасаясь от бомбежек, жили в Зеленом Городе, где снимали часть недостроенной дачи. В конце 1942 года жить стало лучше, мы посадили много картошки и собрали большой урожай. Да и снабжение по карточкам, которые дали к этому времени, стало более четким и организованным. Помимо университета я работал на заводе № 96 в Дзержинске, где получал рабочую карточку, а это 1 кг хлеба в день. В доме, где мы жили, с 1941 года отопление не действовало. Зимой прожили в здании старого химфака, где можно было обогреться за счет электроэнергетики. Вернулись домой. Установили железную печь в нашей комнате. Печка хорошо обогревала и служила в качестве плиты для приготовления пищи.

В августе 1942 года я вновь оказался в военкомате. Меня направляли на станцию Прохладная Северо-Кавказской железной дороги. Весь день я просидел в военкомате в ожидании вердикта. Решение было принято: не призывать! Почему меня

*Илья и Зоя Коршуновы.
1936 год*

освободили? Говорили, что много сил для этого потратил тогдашний директор института Лохин, упорно звонивший в этот день в Москву. По-видимому, определенную роль сыграло постановление правительства, разрешившее не призывать в армию лиц с учеными степенями. На этом все взаимоотношения с военкоматом для меня закончились, вплоть до снятия с учета по возрасту.

Что сделал для Победы? Выполнял поручения военкомата, занимался с призывниками, готовил кадры для армии. Выполнял поручения для горьковских заводов по вопросам анализа. Разработал флюс для сварки деталей самолета МиГ-21. На основе этих результатов в ГИФТИ был организован выпуск больших партий этого необходимого для самолетов продукта. Однако премию за производство флюса получила не Мария Тихоновна Грехова — директор ГИФТИ, а профессор Нейман, имевший косвенное отношение к этой разработке.

Наша семья жила по-прежнему в маленькой комнате, стало еще теснее после рождения сына Алексея в 1944 году.

Рядом с нашей комнатой, в еще меньшей комнатухе, жила семья, эвакуированная из Ленинграда. Эта комната раньше принадлежала адвокату Н.Н. Колачевскому. Она была столь мала, что вместо кроватей в ней были устроены нары. Когда отъезд соседей стал очевиден, я обратился в райисполком с просьбой о передаче этой комнаты моей семье из 4 человек. Решение райисполкома было в мою пользу.

По части науки и преподавания мне удалось достигнуть некоторых успехов. У меня сложилась довольно большая и успешно работающая лаборатория по полярографии. Работы, выполненные в этой лаборатории, докладывались на научных конференциях и использовались в промышленности. Для решения практических задач в лаборатории был разработан специальный прибор — визуальный полярограф, выпуск которого был освоен мастерскими Института химии при университете. Были, конечно, и не столь весомые результаты, но в целом работа лаборатории оценивалась высоко, и она имела заметный научный авторитет. Особенно успешно шло дело в области полярографии органических соединений с целью решения как аналитических проблем, так и общетеоретических вопросов механизма восстановления и строения органических молекул. В конце 1940-х — начале 1950-х годов в Институте химии и на кафедре были осуществлены первые работы в области радиохимии. Интенсивное развитие работ в этом направлении произошло после посещения университета академиком А.П. Александровым. Это было связано с необходимостью развития работ и подготовки кадров для промышленности, производящей различные материалы для атомной промышленности, а также с развитием работ в области радиохимии. В беседе от университета принимал участие В.И. Широков и я, а также кто-то еще из Москвы. Вопросы задавал академик: какой вклад может внести ГГУ в решение вопроса подготовки кадров для атомной промышленности. Широков — физик — говорил о возможности готовить физиков в области рентгенографических методов, но было видно, что Александров недоволен. Я воодушевился и сделал упор на подготовку химиков, ознакомленных с методами разделения и выделения радионуклидов из сложных смесей. Я знал, что его интересуют методы экстракции, ионный обмен, сокристаллизация, то, что уже используют американцы. В результате этих переговоров на химфаке было организовано специальное отделение для подготовки радиохимиков для атомной промышленности. Такие же отделения были организованы в ЛГУ и МГУ. В ЛГУ это дело развивалось вяло, не было лидера, который проявил бы инициативу и использовал возникшую возможность для работы на современном уровне. Научная «опека» спецотделения исходила от Радиевого института, так я думаю. Научным «китам» из ЛГУ, имевшим большие лаборатории в институте, мало было дела до спецотделения. Лаборатории были плохо организованы, плохо было с оборудованием, учебный процесс, на мой взгляд, был организован неправильно. Все, что было связано с физикой, было отдано на физфак, а это, как показывает опыт, не приносит надежных результатов. В МГУ все основывалось на сложившихся традициях. Несмотря на большие вложения, вплоть до постройки специального здания для лаборатории радиохимии, научная работа, как мне кажется, носила в значительной мере теоретический характер и мало давала выхода в практику.

Мне пришлось разрабатывать новый учебный план для спецотделения с введением новых дисциплин, ранее не существовавших на химфаке. Ядерная физика для химиков, радиотехника для измерения радиоактивности, дозиметрия и защита от излучения и специальные дисциплины. Нужно также было сформировать контингент студентов, причем мужчин, из расчета 100–120 человек на курсе. Собрать преподавательский состав, вспомогательный персонал и организовать новые лаборатории. Нужны были новые лабораторные работы, соответствующие профилю отделения, методики к ним и т.п. Нужно было также разработать научную тематику. Все это требовалось осуществить в самые сжатые сроки. Все проблемы приходилось решать одновременно. Составленные планы шли в Москву на утверждение и приходили оттуда утвержденные, без каких-либо привычных и долгих согласований, и становились обязательными. Так же все, что касалось оборудования, материалов, реактивов и оснащения. Поданные заявки передавались в центр, и все заказанное поступало на факультет без промедления. Самое сложное было с кадрами и студентами. Наши преподаватели получили право отбирать из любого вуза страны студентов, желающих обучаться на этом отделении. К этим лицам предъявлялись особые требования, которые существовали для работы в закрытых учреждениях. То же требовалось и от преподавателей. Спецотделение просуществовало короткое время, всего около 5 лет. После периода всяческих «притирок» и совершенствования учебного процесса развились и работы по новому научному направлению – химия и технология радиоактивных элементов. Продолжались и работы по изучению механизма сложных химических процессов, имеющих технологическое значение. В этой области наметились определенные успехи. На одной из академических конференций по применению

изотопов в химии мне было предложено руководство секцией по применению изотопов в органической химии. Для меня это было несомненным успехом. В лаборатории радиохимии было защищено несколько экспериментальных диссертаций. Меня ввели в число членов научного совета по радиохимии, созданного Главатомом и Академией наук для координации всех работ по радиохимии и химии радиоактивных элементов.

Здесь я, кажется, отступаю от хронологии событий и их действительной последовательности. Но их было много, и как они чередовались на самом деле, я не могу вспомнить.

Вдруг совершенно неожиданно, без всякого предупреждения, спецотделение было закрыто, нам предписывалось перейти к обычным планам химфаков университетов, а вместо этого организовывалась кафедра радиохимии и химической технологии. К этому времени я уже защитил докторскую диссертацию. Защита состоялась на ученом совете в Академии наук. Это произошло 4 июня 1947 года в Москве.

На защиту мы ездили вместе с Зоей. Когда сошли с поезда, она нашла 3 рубля. Приехали к Темниковым. Когда открыли нам дверь, вдруг на нас посыпались деньги. У них лежали купюры на тумбочке в коридоре, и их сдуло ветром, вот такие предзнаменования. Защита прошла хорошо, однако в этот день в июне пошел снег, а так как мы приехали по-летнему, то Зоя не смогла пойти на защиту. Так я стал доктором наук, в те годы это было большое дело!

Когда закрыли спецотделение, видимо, была какая-то переписка между университетом и Москвой. Не может быть, чтобы все это произошло внезапно и без предупреждения. А.Н.М. (Мельниченко. – *М.И. Мотова*), бывший в то время ректором университета, принадлежал к тому сорту людей, которых устраивает минимум усилий и отсутствие каких-либо

перемен, не любил, когда проявляли инициативу. Спецотделение, по существу от него независимое, требовало постоянного внимания и ответственности, что ему было не нужно. Мне кажется, он ничего не сделал, чтобы закрытие спецотделения не нанесло ущерба университету. Можно было, например, увеличить численность приема, чтобы сохранить преподавательский и научный состав. Мне все это было обидно, т.к. развитие радиохимической тематики было, по существу, моим детищем, поэтому я, может быть, и несправедлив в своих обвинениях.

В течение какого-то времени ректором университета мог стать человек «без степени и званий», важно, чтобы у него был партбилет. Потом на должность ректора стали назначать только профессора и доктора наук. Конечно, руководство университетом требует определенного уровня знаний в различных областях. В противном случае университет превращается в обычную школу или техникум. И в те времена руководитель обязательно должен быть с партбилетом.

Где-то в 1956 году меня вызвали в партком и «посоветовали» подать заявление в партию, указав, что вопрос «согласован». При обсуждении моего заявления поднялся шум, стали утверждать, что я в чем-то замешан, почему не вступал раньше и тому подобное. Дело о приеме было отложено до выяснения обстоятельств. Через какое-то время меня опять вызвали в партком по поводу приема. На этот раз все прошло гладко и никаких вопросов не возникало. Можно задать вопрос: следовало ли вступать в партию, где все было построено на мнении «сверху», а членам партии отводилась в значительной мере роль статистов? Однако в то время я хорошо понимал, что вне партии моим высшим достижением по службе будет должность профессора кафедры. Я и так был директором Института химии «случайно».

Аспирантура. Слева направо: И.А. Коршунов, К.А. Новосельцев, А.Ф. Капустинский, И.А. Маколкин. 1934–1937 годы

В то же время я полностью разделял и принимал проводимую политику по индустриализации и укреплению обороны страны, борьбу с бюрократией, усилия, направленные на повышение благосостояния и тому подобное, что декларировалось партией. Пример университета и его жизнь, да и собственный опыт показывали, что во многих случаях правда торжествует.

В то время я по существу не разбирался в механизме власти. Считал, что тупость, диктат, несправедливость, просчеты и т.п. — это явления случайные и временные и что вообще наше государство во главе с партией на правильном пути к «светлому будущему». Я как специалист, ученый, гражданин оказался как бы включенным в орбиту событий и задач, требующих конкретных решений и результатов. Все недостатки, которые были видны на каждом шагу конкретной деятельности, были как бы вне меня.

Как только я стал членом партии, последовало мое назначение на пост зам. ректора университета по научной работе, т.е. я стал вторым лицом в университете со всеми вытекающими отсюда обязанностями и правами.

Ректором в это время был доцент В.И. Широков. Его работа по руководству университетом вызывала недовольство, связанное с его некоторой бездеятельностью. Однако он сумел сделать весьма успешный шаг: будучи делегатом XXI съезда партии, он добился приема у Булганина и уговорил его подписать постановле-

ние о развитии университета. Началось строительство новых корпусов в новом месте на Арзамасском шоссе. Был пущен первый корпус, где разместились радиофак, биофак, построены столовая и жилой корпус, где мы получили наконец отдельную квартиру. Это был весьма весомый вклад в развитие университета. Но его погубило пренебрежительное отношение к людям. Он демонстрировал свое служебное превосходство, свою партийность, а у него был большой партийный стаж, и рабочее происхождение. Этим он сумел настроить против себя «прогрессивные силы» университета во главе с М.Т. Греховой.

Широков, по всей видимости, был доволен моим назначением. Он — ректор из рабочих с большим стажем в партии, я — зам не из рабочих с малым партстажем. Роли поменялись. Дело в том, что, когда я был директором Института химии, он — замдиректора по науке. И он считал, что это несправедливо: он зам — партийный, а директор — беспартийный.

Я решил разобраться, как поставлена научная работа, рост кадров, посмотреть планы, отчеты, расходование средств, эффективность исследований. Выяснить, кто работает, а кто просто числится при науке. Выяснилось, что в университете это, по существу, отсутствует. На большинстве кафедр научная тематика создавалась на месте, не была согласована с ведущими коллективами страны, институтами Академии наук. Планы если и составлялись, то не контролировалось их выполне-

Руководство университета. Слева направо: А.К. Шевелев, С.С. Станков, Л.А. Маньковский, И.И. Игошин, С.И. Завыленков, А.А. Андронов. 1932 год

ние, не оформлялось научными отчетами. Советы факультетов мало уделяли внимания науке. Докторов и кандидатов наук было мало, аспиранты не защищались. Не создавались условия для научного роста ассистентов и доцентов. На кафедрах и внутри факультетов имели место распри и склоки, что сильно мешало работе.

В.И. Широков сравнительно недолго занимал должность ректора университета. Его противники и недоброжелатели во главе с М.Т. Греховой, спасая университет от провала и застоя, упорно добивались его смещения, неоднократно обращаясь в обком и министерство. Была и другая причина — Широков просто не давал им возможности работать, вмешиваясь в повседневные мелочи, унижая их как людей, которым он не доверял и считал буржуазной интеллигенцией.

Теперь мне пришлось принять на себя руководство всей деятельностью университета. Научной, учебной, хозяйственной, организационной, политической — рек-

тор отвечал за всю работу. Так как один человек не может охватить все виды деятельности этого большого учреждения, то я считал главным найти ответственных за отдельные участки работы. А затем заниматься порученным делом, наукой, учебным процессом, хозяйственными и другими проблемами, обеспечивая порядок в университете и его развитие. Нужно было вывести на «свет божий» безответственных исполнителей, прекратить все распри и склоки. Конечно, в университете нашлись деловые люди, которые охотно и с энтузиазмом взялись за выполнение поручений. Пришлось «развести» факультеты. Давно уже назрела необходимость из физмата сформировать мехмат и физфак. Это сразу повысило ответственность за учебную и научную работу на каждом факультете. Ряд физических и математических дисциплин, учитывая веление времени, был передан на другие факультеты с соответствующей переработкой программ применительно к нуждам соответствующих факультетов.

Была организована кафедра математики на радиофаке, с тем чтобы повысить ответственность за качество подготовки радиофизиков по математическим дисциплинам. На мехмате была создана кафедра вычислительной математики и кибернетики, а позднее и факультет ВМК. Появились новые специальности: прикладная математика, вычислительная математика и другие. Удалось организовать экономический факультет, куда была передана часть вечернего и заочного отделений заочного экономического института. Здесь были созданы современные экономические специализации. Министерство разрешило открыть юридический факультет. Однако открыть его не удалось, под нажимом деятелей из Горьковского филиала ВЮЗИ (Всесоюзный юридический заочный институт. — *Ред.*) обком не дал разрешение на его функционирование.

Советы факультетов стали вплотную заниматься учебными и научными вопросами. Рассматривались

Слева направо: Илья Алексеевич, Алеша, Алексей Михайлович Коршуновы. 1959 год

Слева направо: Зоя Евменьевна, Алеша и Марина Коршуновы, Евгения Александровна Темникова. 1956 год

и утверждались планы, заслушивались отчеты кафедр и отдельных сотрудников, отчеты деканов факультетов. Все это позволило «открыть» многие недостатки в работе отдельных факультетов.

Существующая материальная база университета была совершенно недостаточной. Пришлось заниматься вопросами ее расширения. Были построены новые корпуса химфака, ГИФТИ, НИИ химии, общежития № 4 и 5, новая котельная большой мощности. Затем институт ПМК, столовая на территории университета на 500 мест, реконструирован ботанический сад.

Министерство утвердило план дальнейшего развития материальной базы: НИИ механики, еще одно общежитие, библиотека и здание биофака на территории ботанического сада. Это предполагалось сделать за 8 лет — это очень большой объем. В университете были люди, которые активно участвовали в осуществлении планов строительства. Установились хорошие взаимоотношения с трестом № 3. Были и другие планы и проекты, но они остались нереализованными. Так сложились обстоятельства, что их пришлось отложить.

Очень многие из новшеств, вводимых в повседневную жизнь, конечно, не всем нравились. Из этого «болота» пошел поток жалоб в обком, министерство, народный контроль... Последовали вызовы в отдел науки обкома для объяснений. Большинство нападков были просто абсурдными и необоснованными. Например, мало ездит в министерство, не советуется, или везде ставит своих людей.

Пример: проректором по научной работе поставлен А.В. Рябов — химик. Однако Рябова предлагало и утверждало на эту должность бюро обкома, а у меня только спросили, согласен ли я. А остальные вообще не имели ко мне отношения, Н.В. Кузнецов — биолог, А.И. Односец — окончил Уральский машиностроительный институт и т.п. Я предложил парткому университета обсудить эти жалобы. Совет прошел успешно, я получил поддержку в проведении реформ. Однако противники не успокоились. Начались всяческие проверки по использованию выделяемых на оборудование и строительство денег.

Я решил, что нужно иметь представление об истинном отношении ко мне. Доверяют или нет мне в обкоме? В подходящий момент оставил заявление об уходе по состоянию здоровья. Если доверяют, то попросят взять его обратно. Примерно через полгода секретарь вернулся к заявлению, попросив не торопиться, и отдал мне его, заявление потеряло силу. Но я твердо решил про себя, что «настороженное» отношение к моей персоне остается. А раз это так, то нужно уходить.

Еще одной проблемой, которая существовала в то время, была жилищная. Отсутствие сносных жилищных условий у многих преподавателей и работников университета потребовало больших усилий для ее разрешения. По мере строительства университета освобождаемые помещения переделывались под квартиры, кроме того, и городские власти выделяли университету квартиры в новых домах.

И.А. Коршунов. 1962 год

Как правило, строители не доводили дома до полной готовности, а оставляли с мелкими недоделками. Будущие жители, имея на руках ордер на заселение, занимали квартиры, тем охраняя от «разграбления». Университетские работники действовали в том же стиле и заняли выделенные им квартиры в новых домах. А руководство университета, в том числе и я, и проректор по АХЧ, получили по строгому выговору за самовольное вселение от секретаря обкома.

Затем я был вызван на бюро обкома для отчета о выполнении решений XXIII съезда партии. И хотя мой отчет, казалось, произвел неплохое впечатление, но постановление гласило, что партком и ректор ведут недостаточную работу по реализации решений съезда. Было ясно, что меня не оставят в покое. Я решил больше не рисковать и вновь подал заявление об отставке. Через некоторое время Угодчиков уехал в Москву за назначением.

Конечно, было жаль оставлять эту работу, к которой я привык и понял, что надо делать, чтобы выполнять ее с успехом. М.Т. Грехова оказалась права, когда говорила: «Они Вас никогда не примут в свой круг, и Вы всегда будете для них чужим».

После ухода с поста ректора на меня и на мою кафедру продолжались нападки. Но здесь этим «наскокам» противостоял уже коллектив кафедры, а не один человек. И мы сумели сохранить профиль работы и коллектив единомышленников.

Вот главное из моей жизни, конечно, многие детали и события я опустил, не было времени, да и подзабы-

лось что-то. Я счастлив, что сумел многое сделать, что у меня хорошая семья. Конечно, я не накопил запас на худой день, не все смог реализовать в научном плане. Надеюсь, что, прочитав эти жизненные описания, вы сделаете выводы о том, как нужно жить и как можно меньше сделать ошибок.

Хотелось еще кое-что добавить. Мой отец по приезде в Нижний Новгород первоначально работал в аппарате крайкома. Непосредственным руководителем аппарата обкома был Крылов, интеллигентный и интересный человек. Он очень много говорил со мной, когда я с отцом бывал у него в гостях. Какова его судьба? Крылов работал в обкоме с Прамнеком, а последний был репрессирован как «враг народа». Те, кого я знал, знакомые отца, его сослуживцы, были честными людьми, чуждыми тщеславия и погони за властью. Но логика того времени была подчинена лозунгу: если враг не сдастся, его уничтожают. Достаточно было объявить человека врагом, и его судьба была решена — расстрел. Будь по-иному, эти честные и прямые люди, может быть, привели бы нас к светлому будущему. История распорядилась иначе. «Революционеры» того времени, схватившись друг с другом в смертельной борьбе за власть, руководствовались одним — в политической борьбе все средства хороши. Об этом никогда не следует забывать в практической деятельности, где всегда имеют место столкновения интересов, мнений, взглядов.

К 500-ЛЕТИЮ
НИЖЕГОРОДСКОГО КРЕМЛЯ

БЕЗ ПРОШЛОГО НЕТ БУДУЩЕГО

